

Мотивы «записок очевидца» в прозе Нины Павловой

Светлана С. Бойко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, svetlana-boyko@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется поэтика современной книги нового типа, в которой создается образ глубинно упорядоченного мироздания. Книга Нины Павловой «Михайлов день: Записки очевидца» состоит из рассказов, объединенных по принципу монтажа. Монтажному построению соответствует видение мира, отличающееся многоплановостью и эпической широтой. Объединяющую роль выполняет ряд мотивов. Сочетание мотивов выявляет глубинные связи явлений. Каждый из мотивов представлен набором значений. Это позволяет обрисовать картину в полноте.

В статье мы рассматриваем мотивы послушания, преслушания, неведения. Послушание преобразует героев либо становится условием для благоприятных событий, в том числе сверхъестественных. Несчастье персонажа может объясняться неповиновением-преслушанием, желанием сыграть чужую, а не свою роль. Неведение-неосознание может вести к ложному пониманию мироустройства, к соблюдению нелепых обычаев, к разрушительным действиям. Новая книга может не соответствовать ожиданиям аудитории, ориентированной на искусство модернизма или постмодерности. В ней преобладает восприятие жизни как бесценного дара свыше и человека в его своеобразии.

Ключевые слова: Нина Павлова, монтажная композиция, мотив, послушание, преслушание, неведение

Для цитирования: Бойко С.С. Мотивы «записок очевидца» в прозе Нины Павловой // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2019. № 2. Ч. 2. С. 128–142. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-128-142

The motives of “the notes of an eyewitness” in the Nina Pavlova’s prose

Svetlana S. Boyko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, svetlana-boyko@yandex.ru*

Abstract. The paper explores a poetics of the today book of a new type of organization. It shapes an image of a fundamentally ordered universe. The book by Nina Pavlova “Michaelmas day: The notes of an eyewitness” consists of stories, united with the principle of installation (montage). Installation construction corresponds to the vision of the world, marked with diversity and epic breadth. The unifying role is played by a number of motives. The combination of motives shows deep connections of the phenomena. Each of the motives is represented by a set of meanings and senses. That allows to design the picture in its entirety.

The paper considers motives of the obedience, disobedience, ignorance. The obedience transforms heroes or becomes a condition for favorable events, including supernatural. The character’s misfortune could be explained by the disobedience, as desire to play someone else’s, not his or her role. The ignorance (non-awareness) leads to a false understanding of the world order, observance of ridiculous customs, and destructive actions. The new book may not meet expectations of an audience focused on the art of the modernism or the postmodernism. It is dominated by the perception of life as priceless gift from above and of any person in his or her all original properties.

Keywords: Nina Pavlova, installation construction, motive, obedience, disobedience, ignorance

For citation: Boyko SS. The motives of “the notes of an eyewitness” in the Nina Pavlova’s prose. *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary criticism. Linguistics. Cultural Studies” Series.* 2019;2:128-142. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-2-128-142

Введение

В русской литературе начала XXI в. наблюдается новый подход к изображению мира и человека, отличный от модернистского и от постмодернистского. Художник стремится запечатлеть мироздание как целостность, исполненную смысла, пронизанную глубоко мотивированными связями. В авторской эмоциональности преобладает «Атмосфера благоговейного созерцания мира в его глубинной упорядоченности и приятия жизни как бесценного дара свыше...» [1 с. 71].

Такой подход требует особых художественных средств. Предмет изображения надо запечатлеть в его многообразной

обусловленности, обнаруживая и явные, и скрытые, потаенные связи явлений.

Этим задачам отвечает известный композиционный прием монтажа:

Монтажная композиция... позволяет образно запечатлеть непосредственно не наблюдаемые, сущностные взаимосвязи явлений, углубленно постигать мир в его разнокачественности и богатстве, противоречивости и единстве. Монтажному построению, говоря иначе, соответствует видение мира, отличающееся многоплановостью и эпической широтой [1 с. 278].

Основным элементом монтажной композиции в современной книге становится рассказ. Он позволяет в духе как бы безыскусственного повествования сообщать о знаменательных событиях. Относительная завершенность фабулы придает художественному высказыванию смысловую определенность. Рассказу присуща поэтика достоверности, свидетельства, что входит в задачи автора. Рассказчик предстает одним из героев, воспринимающих события с разных точек зрения.

В XX в. подобный композиционный принцип был ярко представлен, например, в книгах В. Астафьева «Царь-рыба», Ф. Искандера «Сандро из Чегема», А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Здесь каждая из новелл является художественно завершенным произведением, но, включенная в цикл, получает дополнительные смыслы.

Интересующая нас проза в настоящее время мало исследована. Специалисты размышляют над проблемой ее определения [2 с. 7].

Мы, со своей стороны, стремимся описать отличительные особенности поэтики новой книги и определить ее место в истории литературы (см. об этом: [3,4]).

Нина Павлова – новатор в драматургии и в прозе

Яркий представитель нового направления в литературе Нина Александровна Павлова (1939–2015) в советское время была известным журналистом и драматургом. Она автор пьесы «Вагончик», которую в 1982 г. во МХАТе поставил Кама Гинкас. Уже в «Вагончике» Н. Павлова предстала бытописателем, ставящим актуальные социально-психологические вопросы в необычном для того времени ключе.

В данной статье мы анализируем книгу Нины Павловой «Михайлов день: Записки очевидца» (2012) как яркий пример

произведения, составленного по принципу монтажа. Здесь описаны этапы духовного развития рассказчицы, которое привело, если говорить о литературной стороне событий, к становлению Н. Павловой как писателя нового типа.

В главе «От автора» рассказчица вспоминает «необъяснимую тоску» [5 с. 3], характерную для интеллигента начала 1980-х, и свое крещение. К вере героиню привели два обстоятельства. В знакомой семье вместо прежних скандалов с воцерковлением установилась атмосфера «особой нежности», радости и веселья [5 с. 3]. Расспросив друзей, рассказчица идет в Храм и переживает потрясение: «Бог есть, Он любит нас!» [5 с. 4]. Вступительная глава задает мотив преобразования человека. Оно происходит под впечатлением от жизни друзей и в процессе непосредственного Богообщения.

Прежние художественные принципы не соответствуют новому состоянию духа, и писательница отказывается от творчества. Лишь со временем она вновь берется за перо, с благословения старцев, которые велят: «А ты пиши все, как есть» [5 с. 4].

В соответствии с этим советом Павлова становится летописцем событий, связанных с жизнью Церкви, и держится поэтики документальности, правдивого свидетельства. Поэтика свидетельства – «записок очевидца», – во-первых, вписывается в актуальную тенденцию современной литературы:

Реальность XX века оказалась такова, что сказать *правду* о ней стало сверхзадачей писателя, решить ее привычными художественными средствами дано на проверку немногим, большинству же на помощь приходит именно документ [6 с. 33].

Во-вторых, задача свидетельства типологически сближает современную книгу с древними образцами. Новые формы схожи с формами литературы, бытовавшими до Нового времени, в частности древнерусской: «Подавляющее большинство повествовательных текстов отмечено априорной достоверностью, особой установкой, которую можно было бы назвать ожиданием правдивого рассказа» [7 с. 19].

Многообразные случаи, очевидцами которых становится рассказчик, представляют интерес каждый в отдельности. Разрозненные истории собирается в единство, подобно тому как мозаичная картина складывается из отдельных фрагментов.

Особую композиционную роль в этой целостности играют постоянные мотивы. Некоторые из них мы и проследим в настоящей статье.

Мотив послушания в книге «Михайлов день»

Первую часть книги открывает рассказ «Странное послушание». Здесь заглавный мотив звучит в форме категорического требования, открывая тему во всей ее необычности и силе.

Рассказчица по благословению старца поселилась в доме знакомого, в двух пустовавших комнатах-залах. Как духовное чадо, она просит старца о послушании, и он «с неожиданной горячностью» велит: «Вот тебе послушание на Великий пост – никого не пускай к себе. Христом Богом умоляю, умри, а не пускай!» [5 с. 6].

С комичной постепенностью описано сначала отсутствие, затем редкое появление, а к концу поста и наплыв приезжих, которым уже негде остановиться. Полкласса школьников мерзнет на сеновале. Недоумение героини неуклонно усиливается:

Школьники кашляли. А я маялась от одиночества в жарко натопленных залах и кляла свое послушание собаки на сене: места полно, а никого не пускай? Бред! Нелепость! [5 с. 7]

Главные события начинаются, когда смущенный хозяин «привел ко мне чернявую женщину в куртке и двух промокших под дождем малышей, почему-то одетых не по погоде — в летние маечки и сандалики на босу ногу. Мальчику было годика два, а девочке чуть больше...» [5 с. 7–8]. Рассказчица, не сомневаясь, обдумывает, как одеть и отогреть детей, но внезапно, без видимых причин, вспоминает – о послушании: «...а душа вдруг похолодела от непонятной опасности – смерть где-то рядом, и голос батюшки Адриана кричал: “Умри, а не пускай!”» [5 с. 8].

Контраст между теплом и холодом, любовью и жестокостью переживают свидетели страшной сцены, когда рассказчица буквально не своим голосом кричит: «Вон отсюда! Немедленно вон!» [5 с. 8].

Кульминация определяется тем, что зло в этой истории выдало себя за добро (якобы забота «чернявой» о братниных детях), а доброе побуждение (приютить детей), напротив, грозило катастрофой. Малыши были похищены злоумышленницей, связанной с «клубом ведьм»: «Говорят, они похищают детей для жертвоприношения или еще для чего-то...» [5 с. 9]. Преступнице нужно было укрытие, чтобы дожидаться сумерек и прибытия соучастников.

Рассказчица подчеркивает, что ее решающий выбор не был произвольным:

Все свершилось страшно и странно, будто действовала вовсе не я. Это действительно была не я. Это молился о погибающих, похищенных детях старец Адриан, и рядом плакали навзрыд уже черные от горя родители [5 с. 9].

Изначальная решимость героини следовать послушанию сыграла свою роль. Главная же роль отводится слезной молитве родителей и молитвенному стоянию старца, который непостижимым образом был извещен и о том, что именно в это место спустя недели прибудет преступница с жертвами, и о том, как их уже выставили из дома и настал единственный благоприятный миг для спасения детей.

Послушание рассказчицы позволило свершиться чуду. Но в конце звучат слова о решающем, по мнению героев, факторе: «Батюшка помолился» [5 с. 10].

Таким образом, книга начинается с истории, где открывается значение послушания как условия для того, чтобы благоприятные явления могли осуществиться.

В рассказе «Иди ко Мне» мотив послушания тоже разворачивается поступательно. Трудница Евгения прибывает в Оптину пустынь – «едва ли не с грузовиком вещей – чемоданы, баулы, коробки с книгами и вдобавок стиральный бак. С такой поклажей в монастырь не ездят» [5 с. 123]. Поступок показан в качестве комически своевольного.

Следующая часть как бы подтверждает первое впечатление. Евгения превосходно работает, но постоянно обличает окружающих, а с батюшкой конфликтует по нетерпеливости. Но рассказчица уже поясняет, что столкновения связаны с горячностью героини в ее стремлении к Богу [5 с. 123].

Противоречие вскрывается, когда, изгнанная из гостиницы, героиня решает, что никуда не уедет, останется «хоть под кустом», испрашивая у Пречистой прощения за свое малодушие и уповая на Ее предстательство.

Ход дальнейших событий показывает, что решение остаться правильное. Чудесным образом находится жилье, а сыновья-атеисты вдруг с радостью надумали навещать здесь маму [5 с. 128].

Разворачивается мотив послушания, он вытесняет мотив своеволия. Образ «мятежной Евгении» [5 с. 123] меняется. Уходит комизм в описании ее поступков.

Преображение происходит, когда смертельно заболевшая героиня принимает постриг: «В монашеском облачении я увидела ее впервые и поразилась преобразению: лицо ее сияло такой неземной радостью, что источало, казалось, свет» [5 с. 129].

С рождением как бы нового человека мотив послушания набирает подлинную силу. Прежние события переосмысливаются. Героиня сообщает, что приезд в Оптину, забавно выглядевший в завязке, не был ее произволением, но исполнением высшей воли:

Во сне она увидела Божию Матерь – такой, как ее изображают на иконе «Спорительница хлебов». Женя даже проснулась от счастья, услышав Ее голос:

– Иди ко Мне.

– Иду, иду! – воскликнула Женя, сама не зная, куда идти [5 с. 129].

Иконография «Спорительницы хлебов» была настолько мало известна, что даже столичные экскурсоводы не могли помочь. Евгения много лет искала, пока не увидела свою «картину», случайно приехав в Оптину пустынь. Своеволие героини оказалось мнимым, целеустремленность в послушании высшей воле – истинной.

Кончина монахини Веры описана с высоким пафосом торжества над смертью: «На монахиню надели клобук – шлем духовный, в руках четки – меч разящий, и понималось уже без слов – это воин, одержавший победу в бою. Было такое ликующее чувство – победа...» [5 с. 133].

Высокий пафос и далее нарастает. Рассказчица обращается к истории оптинского храма в честь иконы Божией Матери «Спорительница хлебов». Затем к богословскому значению иконографии:

За основу был взят образ Божией Матери с иконы «Всех святых», где Владычица мира сидит на облаках... А внизу по указанию старца была написана нива, где среди цветов и травы лежат снопы. Нива – это иносказание, ибо апостол Павел говорил о Божием народе: «Вы нива Божия» (1Кор. 3:9) [5 с. 134–135]

Наконец, пересказываются эпизоды, связанные с преставлением старца Амвросия Оптинского в контексте Евангельской притчи о сеятеле. Послушание Евгении – монахини Веры – в финале трактуется как готовность «идти путем любви – путем зерна» [5 с. 136]. Благодаря переходу от образов знакомых людей к образу святого, а затем к слову Евангелия высокое звучание усиливается вплоть до конца рассказа.

Мотив послушания звучит во множестве историй. Складывается набор разных его значений. В «Странном послушании» речь о детях, страдавших на глазах рассказчицы.

В ряде историй речь о спасении от опасности, которую никто, кроме старца, и не предвидел. Так, в рассказе «Сдай билет» старец неожиданно велит спешащей паломнице сдать билет на автобус. Разумная женщина, доверяя опыту святых отцов, сдала билет и села на неудобный для нее поезд, что и спасло ей жизнь: «...наутро пришло страшное известие: в автобус, на котором собиралась ехать Лидия, врезался пьяный водитель КАМАЗа, и было много крови и жертв» [5 с. 17].

Мотивы тесно переплетаются в тексте, особенно в прозе такого типа, где запечатлены внутренние связи между явлениями. Мы видели, как в мотив послушания вплетается мотив преображения, которое происходит, если человек следует по указанному пути, проявляет готовность принять высший смысл событий.

Мотив преслушания

Мотив послушания тесно связан и с противоположным по смыслу мотивом – когда герой настойчиво стремится проявить свою волю, не сообразуется со смыслом происходящего, с указаниями духовно опытных людей либо просто с духовным устройством собственной личности, которое могло бы быть понято и без сверхъестественного вмешательства. Такой тип своеволия точно и кратко обозначают славянским словом «преслушание», т. е. ослушание, нарушение, неповиновение.

Преслушание регулярно выступает в книге «Михайлов день» как противоположность вдумчивому, благоразумному отношению героя к ходу событий, к характеру лиц и обстоятельств. Будучи силой разрушительной по природе, преслушание по ходу сюжета обнажает глубинные смысловые связи между явлениями, которые становятся доступны наблюдению в точке разрыва.

В рассказе «Как я спасала мир» героиня по тетрадке рукописей знакомится с молитвами одного старого схимника. Тексты поражают ее:

Но у схимника были свои молитвы, написанные тем дивным старинным монашеским языком, что моя филологическая душа затрепетала от красоты и таинства слов. <...> Современный язык беднее и грубее. И как передать тусклым нынешним словом пламенную любовь схимника к Богу и людям? [5 с. 53].

Рассказчица жаждет молиться по этой тетрадке, забывая о несообразности духовных сил, своих и многоопытного подвижника, и просит благословения. Попытки отговорить ее от неразумной затеи оказались безуспешными.

Вскоре наступают последствия опасного шага: жизнь и сама душа своевольной героини подвергаются смертельной опасности. Испытывая ужас под влиянием кошмаров, она притом почти утрачивает способность передвигаться. Преслушание приводит к зависимости от внешних, злобных сил, способных подчинять и губить:

Два дня я молилась по тетрадке схимника, упиваясь красотой молитв. А потом начались ужасы. На молитве о самоубийцах в воздухе нари-

совалась петля висельника, и кто-то мерзкий внушал: «Сунь голову в петлю!» ...даже зубы застучали от страха.

Всю ночь я просыпалась от леденящего ужаса, а наутро не смогла встать [5 с. 53].

В кульминации страшной истории вступает другой мотив – мотив любви к людям, о которой героиня упоминала, описывая духовное устройство схимника. Теперь уже она сама, вспомнив рассказ своей матери о спасении через мысль о младенце-дочке, заставляет себя идти за выручкой к старцу, чтобы родные не остались без ее попечения:

Теперь настал мой черед любви и памяти о ближних, таких больных и беспомощных без меня. И я поволокла себя к монастырю. Падала, цеплялась за кусты и деревья и через силу двигалась вперед [5 с. 53].

В развязке героиня постигает смысл своей ошибки, которая крылась в подмене любви неумеренным самомнением: «Мой помянник в ту пору был чуть тоньше телефонной книги Москвы... Словом, я жаждала спасти мир, не умея спасти себя» [5 с. 17]. Преслушание показано как способ вытеснить подлинную любовь и заботу о близких нелепым притязанием «спасти мир».

Через мотив преслушания в книге «Михайлов день» показано, какими путями человек отступает от уникального пути своего развития. Герой претендует на то, чтобы сыграть чужую роль как якобы предпочтительную, вместо того чтобы сыграть свою. И не выполняет собственного предназначения, не реализует собственных возможностей.

В цикле «Поминайте наставников ваших» красавица Катя возомнила себя будущей монахиней, оставила жениха, живет «в подвигах», например постом ест только капусту, чтобы в итоге ее возненавидеть [5 с. 11]. Окружающим видно, что она «не монашеского устройства» [5 с. 23], не имеет качеств, необходимых на этом пути.

Девушка не получает благословения старцев на постриг. Но проявляет упорство: она «“железная леди”»: “Все равно, – говорит, – своего добьюсь”» [5 с. 11].

Героиня не хочет видеть несоответствий между свойствами своей личности и свойствами, необходимыми для исполнения понравившегося дела. Послушание – один из трех монашеских обетов. А девушка добивается *своего*, в противовес воле старших. Монахи и миряне в Церкви учатся видеть собственные прегрешения, не судить других. Она же постоянно критикует окружающих. В итоге ложное стремление вытеснило подлинную жизнь, и все сознают, что героиня несчастна.

За невниманием к себе, нежеланием видеть собственные качества следует невнимание к объекту стремлений, непонимание его истинных свойств. Реальность подменяется иллюзиями.

С ситуацией преслушания по смыслу соседствует ситуация, в которой герой действительно не видит истинных свойств – своих или чужих, людей или явлений.

Мотив неведения

Не осознавая смысла явлений, герой может принимать решения, совершать поступки, продиктованные ложными трактовками. Вышеописанная «железная» девушка, принимая решение, скорее не знала, какие качества потребуются, чтобы его выполнить. Впоследствии же она закрывает глаза на свой новый опыт и на разъяснения людей.

В книге «Михайлов день» неведение, неосознание показано как явление многоликое.

Во-первых, непонимание ситуации может быть вызвано тем, что персонаж более или менее искренне забывает о том, что следовало иметь в виду. Так, в рассказе «Кражи» героиня по рассеянности пришла домой в чужих галошах. И за множеством хлопот не помнит, что о взятой из теплиц рассаде надо было сообщить тому, кто рассаду выращивал для раздачи: «И дал мне Господь епитимью за эту кражу – именно тридцать кочанов капусты и похитили осенью. Самое опасное было то, что воровство рассады не осознавалось как воровство...» [5 с. 115].

С наступлением последствий рассказчица осознает смысл происшествий и кается в невольных грехах. Она радуется, что неясное прежде теперь открылось [5 с. 117], что смысл и связь событий восстановлены.

Во-вторых, смысл явлений может искажаться людьми в силу добровольных заблуждений либо недобросовестных инсинуаций. Это влечет за собой неведение тем более опасное, что ложь настойчиво выдают за истину.

Мотив неведения в таком варианте широко представлен в историях, связанных с атеистической пропагандой советского времени.

В рассказе «Цепь золотая» бабушка Устинья поведала, как девчонкой поленилась идти на реку полоскать белье, а пошла на святой источник. Когда она окунула туда мыльное белье, из воды стал подниматься преподобный, которого девочка узнала по иконам. К счастью, она бежала. Для других невежд кощунство оборачивалось бедой. В случае с девчонкой причина неведения состояла в том, что ребенка так научили:

Монастырь к тому времени был уже разорен и закрыт, часовню над источником... тоже разрушили. А пионервожатая объясняла им в школе, что святые источники – это наглая ложь попов, ибо вода в них просто вода [5 с. 285].

Злосчастная пионервожатая, как и другие взрослые, скорее всего, говорила искренне. Люди такого устройства порой вынужденно проверяют свои убеждения на горьком опыте: «– Я слепну, потому что осквернил святой источник. Я уже понял, какой это грех» [5 с. 285].

Если опыт не свой, неведение может остаться навсегда. Если свой – тоже. Так, в рассказе «О немощных» хулитель церкви спустя годы заболевает, перестает носить свои аксессуары, но, видимо, не прибегает к покаянию, хотя в болезни просит молитв.

В-третьих, неведение возникает в забвении истории, традиций, уклада. В этом случае оно самое глубокое. Ибо герой не может представить себе обстоятельства, отличающиеся от привычных, а привычным приписывает мотивировку, отличную от исторически достоверной. Мотив неведения в этом случае предстает как своего рода народная этимология в истории.

В рассказе «Страшное счастье» описаны эпизоды так называемых «Петровок» – погромов, которые стали традицией в ночь под праздник апостолов Петра и Павла: «Это, объяснили мне, такой народный обычай, когда молодежь собирается толпами и ночью шествует с факелами, круша все на своем пути» [5 с. 189]. В действительности обычай сравнительно недавний:

Позже я узнала, что Петровки – это никакой не прадедовский народный обычай, а берет свое начало с погромов, происходивших в Оптиной пустыни после закрытия монастыря. Старожилы вспоминают, как метались тогда по монастырю некие люди с факелами, опрокидывали кресты на могилах и поджигали все, что может гореть [5 с. 189–190].

История дана как сохранившаяся в памяти некоторых старожилов. А современные погромщики описаны как люди в неведении, действующие почти инстинктивно:

Но у шествия факельщиков четкий маршрут и определенная цель – они воинственно идут в монастырь. Останавливаются перед монастырем на том берегу реки и долго стоят в недоумении, будто пытаются вспомнить забытое: ведь зачем-то они шли сюда. Было же что-то, переполняющее их духом ярости и заставляющее спешить сюда. Что? [5 с. 189–190].

Смысловое перекодирование «Петровок» описано как связанное с течением времени и сменой поколений. Как бы неизвестными стали первоначальные мотивы, но сохраняется разрушительный смысл акции.

С забвением традиций и уклада их смысл может быть утрачен частично или полностью. В рассказе «Поминки» показано, что от деревенского похоронного обряда к концу XX в. сохранилась разросшаяся языческая составляющая. Она существовала и прежде, но не осознавалась как таковая, поскольку еще прежде забылась языческая семантика некоторых традиций (вроде завешивания зеркал).

От христианских представлений осталось уважение к священнику и обычай приглашать «читалку» – чтицу Псалтири по усопшему, в роли которой и выступает рассказчица.

Нехристианские представления доминируют в отношении к покойнику:

А мертвец – это нередко коварный злой дух... по-русски – «навьё». С одной стороны, навьё стараются умиловить и ставят ему в виде жертвоприношения рюмку водки с хлебом. С другой стороны, от навья защищаются приемами погребальной магии и завешивают зеркала... [5 с. 216].

Поскольку подобные правила широко распространены в обществе, рассказчица начинает с положительного примера людей, которые преодолели неведение здравым смыслом. Они пренебрегли советами типа: «По нашему русскому православному обычаю первую рюмку наливаем навье» [5 с. 219]. Сыновья сами несли гроб любимой матери, воздавая ей последнюю честь, отвергая мнимо «правильный» запрет на участие родных.

А те персонажи, которые последовали языческим рекомендациям, комично совмещают их с современными реалиями. В гроб кладут очки и часы, мобильник и переносный телевизор – словно снаряжение, припасы и коня в скифский курган. Рассказчица пытается показать источник «обычая»: «Скифская мода единодушно осмеяна, и я со спокойной совестью ухожу к иконам читать Псалтирь. И все-таки инвалидную коляску на кладбище опустили в могилу» [5 с. 219].

В контаминации разноплановых представлений – «по-православному» – «умиловим навьё» – звучит мотив неведения, укорененного в нескольких поколениях.

Схоже выглядит мотив неведения в десемантизации имен собственных, изначально имевших прозрачную внутреннюю форму. Так, многие топонимы (город Покров) и распространенные фами-

лии (Вознесенский) имеют христианские корни. Внутренняя форма таких слов редко осознается. В рассказе «Поминки» показано, что описание календаря в восьмидесятые годы связано с той же закономерностью:

На правлении колхоза выступает представитель райкома партии и говорит грозно: «Чтоб на Георгия выехать в поле и до Николы отсеяться, а иначе партбилеты на стол! Ясно?» [5 с. 214].

Комизм вызван тем, что деятель богоборческой партии активно употребляет лексику, происходящую из словаря Церкви. Ни он, ни слушатели этого не замечают: мотивировка слов забыта. Рассказчица приводит еще ряд подобных примеров утраты внутренней формы. Огурцы в этих краях «испокон века под Троицу сажали». Для поминания пекут «лествицу», «то есть печенье в виде лесенки»:

Здесь примонастырская земля, где из поколения в поколение жили Богом и для Бога, а любимым домашним чтением была «Лествица» преподобного Иоанна Лествичника. Вот и осталась от прежних времен эта рукотворная «цитата» из книги... [5 с. 214].

Мотив неведения, вызванного давним забвением, преодолевается мотивом возрождения. Тогда вспоминается забытый смысл, восстанавливается осмысленный уклад жизни, очищается пространство.

Заключение

Мотивы, объединяющие отдельные рассказы в книгу, выявляют глубинную упорядоченность мироздания, позволяют проследить неявные причинно-следственные связи. Так, послушание преобразует героев либо становится условием для благоприятных событий, в том числе сверхъестественных. Нескладная судьба персонажа может объясняться преслушанием, желанием сыграть в жизни чужую, а не свою роль. Неведение может вести к ложному пониманию мироустройства, к соблюдению нелепых обычаев, к разрушительным действиям.

Каждый из мотивов в книге представлен набором значений – в различных историях, через разных персонажей. Это позволяет обрисовать круг возможных реализаций мотива. Так, в отношении мотива неведения-неосознания мы наблюдали широкий спектр возможных причин неведения: информация забыта по невниманию –

или намеренно искажена – или утрачена обществом. Последствия неведения тоже представлены в широком диапазоне: от прихода героя к осознанию смысла обычаев (например, похоронных) – до следования «древнему» обычаю громить соседей.

Мотивы соотнесены между собою также и антонимическими отношениями. Неведению противостоит возрождение, послушанию – самоуправство героя, преслушанию – любовь.

Книга такого типа может не соответствовать литературным представлениям аудитории, ориентированной на искусство модернизма или постмодерности, на образы миров, связанных с доминантой деструкции и принципом индетерминизма.

От подобных образов отличается образ глубинно упорядоченного мира новой прозы, обращенной к устройству бытия и образу человека в его своеобразии.

Литература

1. Хализев В. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 398 с.
2. Леонов И., Корепанова В. Поэтика православной прозы XXI в. М.; Ярославль: Ремдер, 2011. 122 с.
3. Бойко С. Слово героя в прозе отца Ярослава Шипова: «Неслучайность всего» // Новый филологический вестник. 2018. № 1 (44). С. 179–189. DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00007
4. Бойко С. Для бессмертных: Инструкции: Православная книга сегодня // Вопросы литературы. 2014. № 5. С. 61–88.
5. Павлова Н. Михайлов день: Записки очевидца. М.: Альта-Принт, 2012. 384 с.
6. Местергази Е. Литература non-fiction/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М.: Совпадение, 2007. 327 с.
7. Каравашкин А. Литературный обычай Древней Руси (XI–XVI вв.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 544 с.

References

1. Khalizev V. The theory of literature. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1999. 398 p. (In Russ.)
2. Leonov I., Korepanova V. The poetics of Orthodox prose of the 21st century. Moscow; Yaroslavl': Remder Publ.; 2011. 122 p. (In Russ.)
3. Boyko S. The protagonist's word in father Yaroslav Shipov's prose. "The non-incidentness of everything". *The New Philological Bulletin*. 2018;1(44):179-89. DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00007 (In Russ.)
4. Boyko S. For the immortals. Instructions: Orthodox book nowadays. *Voprosy literature*. 2014;5:61-88. (In Russ.)
5. Pavlova N. Michaelmas day: The notes of an eyewitness. Moscow: Al'ta-Print Publ.; 2012. 384 p. (In Russ.)

6. Mestergazi E. Literature non-fiction. An experimental encyclopedia. Russian version. Moscow: Sovpadenie Publ.; 2007. 327 p. (In Russ.)
7. Karavashkin A. The literary tradition of Ancient Rus' (11th–16th centuries). Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ.; 2011. 544 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Светлана С. Бойко, доктор филол. наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; svetlana-boyko@yandex.ru

Information about the author

Svetlana S. Boyko, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; svetlana-boyko@yandex.ru